

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1\(31\).186379](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.1(31).186379)

УДК 130.2

Юрий Платика

**ОДЕССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК
ФОРМА МЕМОРАЦИИ ЛИЧНОСТИ**

Природа и смыслы одесского исторического анекдота рассматриваются в статье в качестве потенциального источника для общих антропологических и культурно-исторических изысканий. Рассматриваются анекдот как феномен и его прикладная задача, сопоставляются определения М. Кагана, М. Блоха, Л. Панковой и других исследователей. Отслеживается причинно-следственная связь возникновения условий для зарождения в Одессе смеховой культуры в виде анекдота. На примерах оригинальных исторических анекдотов исследуются их культурно-антропологические нарративы. Формулируется вывод о том, что потенциал одесского исторического анекдота как источника дополнительной информации об исторических личностях, а также природе смеховой культуры одесситов чрезвычайно высок.

Ключевые слова: одесский исторический анекдот, смеховая культура, антропология смеха, меморация личности, память в юморе, культура Одессы, природа одесской шутки.

Изучению анекдота, как разговорной и литературной формы народного творчества посвящено множество работ. В разное время этой темой интересовались такие исследователи как С. Аверинцев, Ю. Лотман, З. Фрейд, Л. Гроссман, М. Каган и другие. «В традиции описания анекдота можно проследить дифференциацию жанра на литературный тип, относящийся к авторскому литературному творчеству, фольклорный и художественно-публицистический», – отмечает в своей работе И. Чистякова [Чистякова 2012: 82].

На мой взгляд в историческом анекдоте кроме вышеперечисленных направлений есть потенциал также и для антропологических изысканий. А. Г. Козинцев определяет это направление как «антропология смеха»: «Находясь на переднем крае комплексных исследований человеческого поведения, она еще не сформировалась полностью ни у нас, ни за рубежом» [Козинцев 2005: 58]. Не претендуя на фундаментальность, я постараюсь применить этот подход в тематике одесского исторического анекдота, что и является основной целью этой работы. Соответственно, в статье будут решаться следующие задачи: определение феномена и задач анекдота в смеховой культуре, природы одесского исторического анекдота, а также поиск в одесских исторических анекдотах информации, которая может

определить их как дополнительный источник для культурно-антропологических исследований.

Для начала рассмотрим несколько позиций определяющих феномен анекдота. В русский язык это понятие пришло из Франции в начале XIX века и означало «короткий рассказ о некоем любопытном происшествии» [Каган 2002]. В исследовательской литературе зачастую корни анекдота обнаруживаются в поле истории. Так, А. Пельтцер отмечает: «С течением времени анекдот стал обо значать “неупомнутый” прежними авторами, преимущественно историками, какой-нибудь осо бенно характерный факт, случай или особенное обстоятельство» [Пельтцер 1899: 60]. Несколько иначе характеризует общие черты анекдота М. Блох: «Анекдот – это предельно короткий рассказ раз влекательно-комического содержания городско го фольклора с неожиданной развязкой» [Блох 1984]. Л. Панкова считает анекдот составной частью культурной жизни, где он выступает в роли «механизма защиты от реальности», позволяя человеку создавать «собственное культурное пространство» [Панкова 2005: 244].

В XX веке у европейских и американских учёных обнаруживается единство в определении анекдота. Например, в «Этнопоэтике» (Heda Jason, 1975), «Словаре литературных терминов» (Dictionary of Literary Terms, 1977), «Энциклопедии простых форм» (Simple Forms, 1994) анекдот представляет собой короткую, нередко нравоучительную историю о знамени тых людях и служит для репрезентации героя анекдота как представителя определенной соци альной группы или эпохи» [Чистякова 2012: 82]. Как видим, западные исследователи суживают семантическое пространство анекдота к его исторической основе.

Исходя из поставленных задач своей работы как на базовое я буду опираться на определение, предложенное М. С. Каганом: «Анекдот – это городской фольклор, создаваемый и функционирующий в среде демократической городской интеллигенции» [Каган 2002].

В Одессе, которая стала признанной «столицей юмора» еще в Российской империи, укрепив этот «статус» в Советском Союзе, анекдот был и есть неотъемлемой частью устного народного творчества фактически с момента основания города. Объясняется это колоссальной свободой, которой были наделены горожане, по сравнению с другими городами и регионами империи.

«Здесь чаще раздавалось свободное слово, общественная самодеятельность находила себе больше простору, чем в остальной России», – отмечает Д. Г. Атлас [Атлас 1992: 58]. Одесса, созданная на месте турецкого посёлка Гаджибей как город-порт, южные морские ворота страны, должна была соответствовать духу и амбициям своих отцов-

основателей. Одесса должна была войти в число величайших городов империи по всем параметрам. Задача усложнялась тем, что дабы воплотить государственную волю необходимо было за фантастически короткие сроки реализовать небывалый по своим масштабам экономический, архитектурный и социальный проект. Находясь на границах государства Одесса естественным образом стала центром притяжения представителей различных культур и этносов, а объединить и направить эти разнородные потоки человеческой энергии, государственных интересов и личных амбиций к достижению одной цели могла, пожалуй, только смеховая культура.

В свое время Харви Майндес отмечал, что «смех освобождает от таких вещей как конформизм, комплекс неполноценности, мораль, разум, язык, наивность, социальная запрограммированность, серьезность, сомнение, условности, преклонение перед авторитетами, благоговение перед смертью» [Mindess 2017], а в нашем случае – способствовал объединению в единый организм представителей разных культур и этносов, населявших Одессу. При этом именно «через анекдот человек осуществляет идентификацию, то есть отождествляет себя с другим человеком или группой. Благодаря идентификации устанавливается эмоциональная солидарность с другими, принятие их норм и ценностей, усваиваются поведенческие модели, специфичные для группы» [Левченко 2005а].

Французский, греческий, русский, украинский, молдавский, еврейский, немецкий, албанский, итальянский, испанский и множество других наречий слились в уникальный и мелодичный «одесский язык», воспетый позже Бабелем, Катаевым, Ильфом, Петровым, Жванецким и другими талантливыми авторами. Уникальный язык родил не менее уникальный юмор. Одесские дети с малых лет погружались в эту уникальную смеховую культуру.

Но нас интересует не столько природа одесской шутки, ведь «национальные особенности юмора выразить словами столь же трудно, как описать запах» [Скиданова 2005], а сколько культурно-антропологический ракурс в изучении одесского исторического анекдота.

Во время лекций по истории региона одесский краевед Игорь Шкляев отметил интересный факт – улицы, переименованные в честь «пустых» для Одессы людей рано или поздно возвращаются к исконным названиям. К примеру – улица Елисаветинская, названная в честь супруги князя Воронцова Елизаветы Ксаверьевны, которая была большой благотельницей и потратила более трёх миллионов рублей на обустройство приютов для нищих, сирот, богаделен и т. д.

Подобную же особенность можно обнаружить обращаясь к изучению одесских исторических анекдотов. Вероятно, не имея никакой другой возможности фиксировать своё отношение к власти имущим, горожане стали

использовать для этого весёлые рассказы, передаваемые из уст в уста.

Погружаясь в эту тему нужно быть предельно осторожными, ведь мы знаем множество попыток представить анекдот мифом, а сам процесс его создания мифотворчеством, т. е. «анекдот играет с миром и его фактичностью, не выказывая к ним никакого пиетета» [Орнатская 2002]. Миф – это не просто занимательная история, миф ориентирован на доверие, чего абсолютно точно нельзя сказать об историческом анекдоте в целом «ибо анекдот не причина, а симптом» [Орнатская 2002].

Любопытной особенностью одесского исторического анекдота является обращение внимания у слушателей или читателей на какую-то конкретную черту характера героя, не всегда, при этом, прославившую его. Так, из всех черт характера известного и храброго военачальника, губернатора и градоначальника Одессы графа Александра Федоровича Ланжерона одесситам больше всего запомнилась его рассеянность:

АнекдотЪ о беседе с князем Гагариным

Как-то раз, увлекшись беседой с князем Гагариным, Ланжерон посмотрел на часы и обратил внимание на то, что уже около полуночи. Беспокоясь за близких князя Ланжерон спросил: «А вы отчего не едете домой, князь? Вас уж, верно, дома заждались!». Удивленный князь Гагарин ответил: «По-моему, вы считаете, что я у вас в гостях? Но, граф, это же Вы у меня дома!». Ланжерон оглянулся по сторонам и увидел, что и правда находится в гостиной князя Гагарина.

Справедливости ради стоит отметить, что при всей любви к Ланжерону хранители одесской «устной традиции» не обошли своим вниманием и его недостатки. Так хорошо было известно, что граф ненавидел канцелярскую работу и всячески ее избегал, от чего дела города и края находились в изрядном беспорядке.

Другой пример – граф и светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, в котором одесситы, очень ценили его удивительную для той (да и для любой другой) эпохи порядочность. Большой популярностью пользовался и анекдот «О Воронцове и долгах офицеров», которые тот выплатил из своего кармана. Запомнилась в одесском обществе роль, которую Воронцов сыграл в развитии города, порта и края – в том числе и во внедрении различных прогрессивных новинок. Известно, что именно усилиями в Одессе появились первые пароходы и было организовано первое пароходство. Не случайно в «корпусе» анекдотов о Михаиле Семеновиче есть и такой:

АнекдотЪ о пароходе

Однажды граф Воронцов пригласил группу купцов и богатых дворян прокатиться на пароходе, рассчитывая привлечь их к участию в

Черноморском обществе пароходов. И вот представьте себе – идет вояж, Воронцов расхваливает купцам достоинства парохода, и тут, когда нужно было уже поворачивать в город, по какой-то причине паровая машина начинает останавливаться. Воронцов, понимая что его труды могут пойти прахом и у гостей может остаться самое неприглядное впечатление о пароходах, отправился к капитану и выяснил, что машину починить можно будет только в порту. Но была и хорошая новость – ветер был благоприятен для возвращения в город (в те времена пароходы оснащались мачтами с парусами). И тогда Воронцов, вернувшись к гостям, как ни в чем не бывало, сообщил: «А теперь, господа, вы можете увидеть, как пароход может управляться без машины, одними парусами». Гости ничего не заподозрили и многие из них вложили свои деньги в пароходство.

Благодаря своей эксцентричности солидный след в одесской устной традиции оставил граф Александр Григорьевич Строганов. Большинство одесситов довольно быстро забыли его заслуги на посту генерал-губернатора, президента и активного деятеля Одесского общества истории и древностей, его вклад в развитие городского самоуправления и образования, и роль в жизни Одессы в качестве благотворителя. Зато хорошо запомнилось поведение графа, воспитанного в духе «золотого века Екатерины» и почитавшего вельмож ушедшей эпохи образцом для подражания. Великодушный, щедрый, вспыльчивый, старомодный, остроумный барин-самодур – таким предстает в одесских исторических анекдотах этот талантливый и успешный администратор, общественный деятель.

Но, разумеется, самый популярный персонаж одесского исторического анекдота – герцог Ришелье, третий градоначальник и второй отец города. Храбрый офицер, талантливый и умный политик одесситам запомнился как увлеченный садовод, немного рассеянный и добродушный «отец», предпочитающий наставлять своих «чад» не наказаниями, а личным примером порядочности и «правильной» жизни.

АнекдотЪ о подарках герцогу

Герцога Эммануила де Ришелье все знали как настоящего бессребреника. Не то что взяток и подозрительных подношений – простых подарков он не брал. Разве что от императоров и королей. Впрочем, рассказывают, иногда Ришелье делал исключение. Его приближенные находили нескольких бедных крестьян, рыбаков или рабочих и сообщали им, что герцог с удовольствием примет в подарок корзинку фруктов, овощей или рыбы. Или, например, вышитое полотенце или платок. Как-то раз, хорошо знавший репутацию Ришелье иностранец, наблюдавший на даче герцога сцену получения герцогом подарков, спросил у него – зачем ему это надо? Ответ герцога был таким: «Видите ли, сударь, эти люди бедны. К

сожалению, в Одессе еще много бедных людей. Получив их дары, я получаю полное право, в качестве ответной любезности, не унижая их гордости, подарить каждому из них несколько портретов нашего императора. Вот таких». С этими словами герцог показал собеседнику серебряный рубль с портретом императора Александра.

Безусловно, передавая из уст в уста забавные истории о чертах личности и курьёзах из жизни чтимых и уважаемых руководителей города, одесситы с особым усердием клеймили им неугодных. «Смеются не только над тем, что остроумно, но также над глупостью, трусостью и невоздержанностью» [Лук 1977: 8]. Доводя при этом некоторые ситуации до абсолютного абсурда, и в этом смешным является «не то, что бессмысленно, неправдоподобно, бестолково, с чем обыкновенно исключительно связывают абсурд, а то, что позволяет узнать, понять такое, чего не понимает сам делающий или говорящий это» [Левченко 2005b].

Одесский градоначальник Дмитрий Нейдгардт слыл великорусским шовинистом, считавшим своим долгом ограничить влияние «инородцев». По себе сей «государственный муж» оставил в Одессе самую негативную память – общество считало его виновником еврейских погромов осени 1905 года, не только не помешавшим «черносотенцам» но и помогавшим им, что немедленно было высмеяно городской интеллигенцией.

Анекдот об иноверцах

По случаю какого-то праздника одесским градоначальником Нейдгардтом был устроен торжественный обед, на котором Дмитрий Борисович, по своему обыкновению, распространялся о великой роли русского народа и презрительно отзывался о прочих нациях. Кто-то из присутствовавших на обеде одесских «китов» не выдержал (некоторые рассказывают, что это был сам престарелый Григорий Григорьевич Маразли) и заявил, что буквально сейчас видел посреди бульвара, против суда, вооруженного инородца, совершенно не стесняющегося демонстрировать оружие при полиции. Возмущенный этим сообщением Нейдгардт кликнул конвой и лично бросился ловить злоумышленника. Никого не найдя он возвратился, громко сетуя на неудачу своей «охоты», на что шутник заметил, что, мол, не там видно искал градоначальник и взялся указать нарушителя. Выйдя на бульвар к лестнице он спокойно указал градоначальнику тростью на памятник Дюку де Ришелье, на поясе которого, как известно, висит меч.

«Комедия появляется одновременно с трагедией» [Аристотель 2000], – считает Аристотель, приписывая и то и другое Гомеру в своей «Поэтике» и, действительно, одно неразрывно следует за другим. Не стоит забывать, что за блестящим флёротом исторической литературы скрываются

множество тягот и страданий, которые пережили одесситы, начиная с нехватки питьевой воды и отсутствия канализации, заканчивая войнами, восстаниями и тяжкими эпидемиями с многотысячными жертвами.

Лучшие образцы смеховой культуры помогали одесситам сохранять оптимизм, бороться с проблемами, клеймить неугодных равно как и выражать свою любовь почитаемым личностям.

Так как анекдот – это, в первую очередь, устный жанр, то «рассказываемый анекдот не порождается заново, а репродуцируется, передается от одного рассказчика к другому» [Шмелева 2002]. При этом, к сожалению, только небольшое этих бесценных историй дожило до наших дней, причиной чему, в первую очередь, стали жесткая временная привязка и очень непродолжительная актуальность, обусловленная словесной формой. Очевидно, что анекдоты про Строганова утратили свой вес в народном творчестве во время Новосельского, а про Ришелье мало говорили в начале XX века.

Тем не менее, даже имеющийся в наличии материал открывает колоссальные перспективы для его систематизации и изучения, которые позволят взглянуть на взаимоотношение народа и власти в Одессе с непривычного ракурса, открывая новые возможности для культурно-антропологических исследований.

Список использованной литературы

- Аристотель (2000). *Поэтика*, в: *Аристотель. Поэтика. Риторика*, СПб.: Азбука, сс. 21–70.
- Атлас Д. (1992) *Старая Одесса, её друзья и недруги*, Одесса: Ласми, 206 с.
- Блох М. Я. (1984) *Проблема основной единицы тек ста*, в: *Коммуникативные единицы языка: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции.* – Москва, с. 14.
- Каган М. С. (2002) *Вступительный доклад «Анекдот как феномен культуры»*, в: *Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г.*, СПб.: СПбФО, сс. 5–17.
- Козинцев А. (2005) *Антропология смеха: на пути к синтезу*, в: *Добѣ / Докса: Зб. наук. праць з філософії та філології*, Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, вип. 13, сс. 58–66.
- Левченко В. (2002) *Этнический анекдот в национальной идентификации*, в: *Добѣ/Докса: Зб. наук. праць з філософії та філології*, Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, вип. 2, сс. 118–121.
- Левченко В. (2005) *Смех как антропологическое измерение культуры*, в: *Добѣ / Докса: Зб. наук. праць з філософії та філології*, Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, вип. 16, сс. 74–81.

- Лук А. Н. (1977) *Юмор, остроумие, творчество*, Москва: Искусство, 184 с.
- Орнатская Л. А. (2002) *Анекдот и жизнь*, в: *Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт-Петербург*, СПб.: СПбФО, сс. 87–94.
- Панкова, Л. (2005) *Анекдот: особенности формы и сюжетной композиции*, в: *Дóџа / Докса: Зб. наук. праць з філософії та філології*, Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, вип. 7, сс. 242–249.
- Пельтцер, А. П. (1899) *Происхождение анекдотов*, в: *Сб. Харьк. историко-филологического общества*, т. 11, Харьков, сс. 57–118.
- Скиданова, В. (2005) *Смеяться, право, не грешно. Такой разный юмор*, в: *Дóџа / Докса: Зб. наук. праць з філософії та філології*, Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, вип. 13, сс. 166–174.
- Чистякова, И. В. (2012) *Анекдот как литературный жанр*, в: *Вестник ВятГУ*, Киров, № 4, сс. 81–85.
- Шмелева, Е. Я. (2002) *Русский анекдот. Текст и речевой жанр*, Москва: Языки славян. культуры, 143 с.
- Mindess, H. (2017) *Laughter and Liberation*, London: Routledge, 258 p.

Юрій Платика

ОДЕСЬКИЙ ІСТОРИЧНИЙ АНЕКДОТ ЯК ФОРМА КУЛЬТУРНОЇ МЕМОРАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ

Природа і смисли одеського історичного анекдоту розглядаються в статті як потенційне джерело для глибоких антропологічних та культурно-історичних досліджень. Досліджуються анекдот як феномен та його прикладна задача, зіставляються визначення М. Кагана, М. Блоха, Л. Панкової та інших дослідників. Відстежується причинно-наслідковий зв'язок виникнення умов для появи в Одесі сміхової культури у вигляді анекдоту. На прикладах оригінальних історичних анекдотів досліджуються їх культурно-антропологічні наративи. Формулюється висновок про те, що потенціал одеського історичного анекдоту як джерела додаткової інформації про історичні особистості, а також про природу сміхової культури одеситів надзвичайно високий.

Ключові слова: одеський історичний анекдот, сміхова культура, антропологія сміху, меморация особистості, пам'ять в гуморі, культура Одеси, природа одеської жарти.

Yurii Platyka

ODESSA HISTORICAL ANECDOTE AS A MEMORIAL FORM OF PERSONALITY

Odessa is one of the most humorous regions of Ukraine. Odessits have always

been famous for their easy-going life style and wonderful sense of humour in the Russian-speaking world. This laughter phenomenon appeared due to various cultural and historical factors. The structure and sense of Odessa historical anecdote are investigated in this article as a potential source for making deep anthropological, cultural and historical research. Also it include the origin of laughter itself.

Initially, paradox and applied purposes of Odessa anecdote are presented and various Russian-speaking and foreign researchers' definitions are comprised. The difference is signed between the anecdote as a folklore genre and a myth. Genesis of anecdote in Odessa laughter culture has its roots in conditions of its appearance. As a result, it led to multicultural, multiethnic and multilingual urban community. City population has a special way of joking where people like to emphasize the characteristic features of officials and city government, who caught public attention by bad or good actions.

Four historical anecdotes are used in this investigation with their cultural and anthropological narratives. The historical circumstances are full of curious fictional details and real facts. It is highly considered the importance of Odessa historical anecdote as a source of additional information about famous persons in history as well as the part of Odessa culture.

Keywords: *Odessa historical anecdote, laughter culture, anthropology of laughter, personality memorial, memory in humor, Odessa culture, nature of the Odessa joke.*

REFERENCES

1. Aristotel. (2000) *Poetika* [Poetics], in: *Aristotel. Poetika. Ritorika*, Spb., Azbuka, pp. 21–70.
2. Atlas D. (1992) *Staraya Odessa, yeyo druziya i nedrugi* [Old Odessa, its friends and enemies]. Odessa, Lasmi, 206 p.
3. Blokh M. Y. (1984) *Problema osnovnoy yedinitiy teksta* [Problem of the main singular of text], in: *Kommunikativnyie edinitiy yazyka. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*, Moskva, 14 p.
4. Kagan M. S. (2002) *Vstupitelnyy doklad «Anekdot kak fenomen kultury»* [Introductory report «Anecdote as a cultural phenomenon»], in: *Anekdot kak fenomen kultury Materialy kruglogo stola 16 noyabrya*, Spb, SpbFO, pp. 5–17.
5. Kozintsev A. (2005) *Antropologiya smekha: na puti k sintezu* [Anthropology of laughter: on the way to synthesis], in: *Doksa / Doksa: Zb. nauk. prats z filosofii ta filologii*, Odesa, ONU im. I. I. Mechnikova, vyp. 13, pp. 58–66.
6. Levchenko V. (2005a) *Etnicheskiy anekdot v natsionalnoy identifikatsii* [Ethnic anecdote in national identification], in: *Doksa / Doksa: Zb. nauk.*

- prats z filosofii ta filologii*, Odesa, ONU im. I. I. Mechnikova, vyp. 2, pp. 118–121.
- Levchenko, V. (2005b) Smekh kak antropologicheskoye izmereniye kul'tury [Laughter as an anthropological dimension of culture]. *Doksa / Doksa: Zb. nauk. prats z filosofii ta filologii*, Odesa, ONU im. I. I. Mechnikova, vyp. 16, pp. 74–81.
- Luk, A. N. (1977) *Yumor, ostroumiye, tvorchestvo* [Humor, wit, creativity]. Moskva, Iskusstvo, 184 p.
- Ornatskaya, L.A. (2002) *Anekdot i zhizn' / Anekdot kak fenomen kul'tury* [Anecdote and life / Anecdote as a cultural phenomenon]. *Materialy kruglogo stola 16 noyabrya Sankt-Peterburg*, Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, pp. 87–94.
- Pankova, L. (2005) *Anekdot: osobennosti formy I syuzhetnoy kompozitsii* [Anecdote: features of form and plot composition]. *Doksa / Doksa: Zb. nauk. prats z filosofii ta filologii*, . Odesa, ONU im. I. I. Mechnikova, vyp. 7, pp. 242–249.
- Peltser, A. P. (1989) *Proiskhozhdeniye anekdotov* [The Origin of Anecdots], in. *Sb. Khark. Isoriko-filologicheskogo obshchestva*, t. 11, Kharkov, pp. 57–118..
- Skidanova V. (2005) *Smeyat'sya, pravo, ne greshno. Takoy raznyy yumor* [Laughing, reaily, is not a sin. Such different humor], in: *Doksa / Doksa: Zb. nauk. prats z filosofii ta filologii*, Odesa, ONU im. I. I. Mechnikova, vyp. 13, pp. 166–174.
- Chistyakova I. V. (2012) *Anekdot kak literaturnyy zhanr* [Anecdote as a literary genre], in: *Vestnik VyatGU*, Kirov, pp. 81–85.
- Shmeleva, Y. Y. (2002) *Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moskva, 143 p.
- Mindess, H. (2017) *Laughter and Liberation*, London, Routledge, 258 p.

Стаття надійшла до редакції 10.03.2019.

Стаття прийнята 28.04.2019.